

16 мая

«Муза блокадного Ленинграда...»

105 лет со дня рождения

Ольги Федоровны Берггольц

(1910 – 1975)

«Первые стихи (они назывались «Пионерам») Оля Берггольц напечатала в 16 лет, еще не окончив школу, и вскоре ее приветил сам Корней Чуковский. На поэтическом вечере худенькая светловолосая девочка прочитала стихотворение «Каменная дудка», и Корней Иванович обнял ее за плечи: — Как вас зовут?..

Аплодируйте, товарищи, — у Оли большое будущее!»

О. Окуневская «И возвращусь опять»

«Уважая гражданское имя Берггольц, я, тем не менее, относился к ее мастерству снисходительно... Однако, перечитав... все ее наследие, я был неожиданно... для себя поражен тем, как много стихов я в результате выбрал [для антологии]».

Е. Евтушенко. «Десять веков русской поэзии»

«Всю блокаду в насквозь промерзшем, умирающем от истощения, заваленном трупами городе, раздавался ее голос. Висящие на улицах черные тарелки репродукторов не выключались никогда, и ее стихи звучали, когда обессиленные люди спускались к замерзшей Неве за водой, во время артобстрелов, в самые тяжелые блокадные дни, когда дневную хлебную пайку иждивенцев урезали до 125 грамм. Ее голос был с Ленинградом всю войну, и она стала олицетворением стойкости и победы».

Евгений Колесников.
По материалам газеты
"За решеткой" (№5 2011 г.)

«...если заглянуть в жизнь Берггольц, ужаснешься: как же она все пережила?! В 1938 году - арест по обвинению "в связи с врагами народа", расстрел мужа, потеря ребенка... Ее все время словно проверяли "на годность". Дважды выгоняли из кандидатов в члены ВКП(б)...»

Светлана Мазурова «Запретный дневник»

«Ее слава не была связана с правительственными наградами или литературными премиями.

Мало кто знал, что у Берггольц была и другая, тайная биография».

Т. Окуневская «И возвращусь опять»

«Ее слова, в 1960 году высеченные на центральной гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища в Ленинграде — “Никто не забыт, и ничто не забыто”, — стали для ленинградцев зримым напоминанием... не только об ужасах войны, но и о сталинском терроре. Поэзия Берггольц была официально провозглашена реквиемом лишь по погибшим от немецкой осады, но являлась в то же время скрытым поминальным плачем по жертвам сталинской машины террора. В этом ее глубокое сходство с Седьмой симфонией Шостаковича, которое ощущалось и поэтессой, и композитором».

Соломон Волков. «Сталин и Шостакович»

«Стихами Ольги Берггольц, подчёркивающими неумолимую стойкость жителей блокадного Ленинграда, зачитывались миллионы. Она была «голосом города» почти все девятьсот блокадных дней. Но мало кто знает, что до войны Берггольц была практически неизвестной поэтессой, а её жизнь растоптала страшная тюрьма, в которой она потеряла двух детей».

*Евгений Колесников
«Бездетная Мадонна»*

«Уважая гражданское имя Берггольц, я, тем не менее, относился к ее мастерству снисходительно... Однако, перечитав... все ее наследие, я был неожиданно... для себя поражен тем, как много стихов я в результате выбрал [для антологии]”.

Е. Евтушенко. «Десять веков русской поэзии»

«...ее последним желанием было лежать на Пискаревском кладбище – там, где лежат тысячи ленинградцев, погибших в блокаду, где на граните выбиты написанные не кем-то, а ею слова: «...никто не забыт, и ничто не забыто».

Но первый секретарь Ленинградского обкома Г.В. Романов, больше всего запомнившийся слухами о скандальной свадьбе его дочери в одном из национальных музеев, определил, что хватит с нее и Литераторских мостков».

Е. Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

«Слова принадлежат веку, а мысли – векам»

И. Карамзин

Ольга Берггольц:

Так мало в мире нас,
людей, осталось,
Что можно шепотом
произнести
Забывтое людское слово
«жалость»,
Чтобы опять друг друга
обрести.

Она беспощадней
всего,
недоверья
отрава.

Мы будем драться с
беззаветной силой,
мы одолеем
бешеных зверей,
мы победим, клянусь
тебе, Россия,
от имени
российских
матерей.

А я вам говорю, что
нет
напрасно прожитых
мною лет,
ненужно пройденных
путей,
впустую слышанных
вестей.
Нет невоспринятых
миров,
нет мнимо
розданных даров,
любви напрасной
тоже нет,
любви
обманутой, больной,
ее нетленно-
чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.
И никогда не поздно
снова
начать всю жизнь,
начать весь путь,
и так, чтоб
в прошлом бы —
ни слова,
ни стоны бы

И все неукротимей

год от года,

к неистовству

зенита своего

растет свобода

сердца моего,

единственная

на земле свобода.

**Жалкие хлопоты власти и партии,
за которые мучительно стыдно...**

**Как же довели до того, что
Ленинград осаждён, Киев осаждён,
Одесса осаждена. Ведь немцы всё
идут и идут...**

Артиллерия садит непрерывно...

**Не знаю, чего во мне больше —
ненависти к немцам или
раздражения, бешеного, щемящего,
смешанного с дикой жалостью, — к
нашему правительству...**

**Это называлось: «Мы готовы к
войне».**

**О, сволочи, авантюристы,
безжалостные сволочи!..**

**Их имён благородных мы здесь
перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной
гранита.**

**Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто**

**Пусть уличит истерзанное детство
тех, кто войну готовит,- навсегда,
чтоб некуда им больше было деться
от нашего грядущего суда.**

**«Ощущение тюрьмы сейчас,
после пяти месяцев воли возникает
во мне острее, чем в первые дни после
освобождения. Не только реально
чувствую, обоняю этот тяжелый
запах коридора из тюрьмы в Большой
дом, запах рыбы, сырости, лука, стук
шагов, но и то смешанное состояние
обреченности, безысходности, с
которым шла на допрос.**

**Вынули душу, копались в ней
вонючими пальцами, плевали в нее,
гадили, потом сунули обратно и
говорят: живи!»**

**Я так хочу, так
верю, так люблю.
Не смейте
проявлять ко мне
участья.
Я даже гибели
своей
не уступлю
за ваше
принудительное
счастье...**